

07242354

*На правах рукописи*

ДАНИЛЕВСКИЙ ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ



**Социально-философский анализ природы и  
инвариантов структуры политической власти**

09.00.11. – социальная философия

**А в т о р е ф е р а т**

диссертации на соискание ученой степени  
кандидата философских наук

Казань-2001

Работа выполнена на кафедре философии Казанского государственного технологического университета

Научный руководитель: доктор философских наук,  
профессор Курашов В.И.

Официальные оппоненты: доктор философских наук,  
профессор Солодухо Н.М.

кандидат философских наук,  
доцент Королев В.В.

Ведущая организация: кафедра теоретических основ коммуникации  
Казанского государственного энергетического университета

Защита состоится 22 декабря 2001 года в 14 час. на заседании диссертационного совета Д.212.081.16 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата философских наук в Казанском государственном университете по адресу: 420008, г.Казань, ул. Кремлевская, 18. Корп.2, ауд.215.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан 23 ноября 2001 года.

Учсный секретарь  
диссертационного Совета  
кандидат философских наук,  
доцент

*Гизатова* —

Гизатова Г.К.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ



0000052384

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы настоящего исследования – философский анализ структур политической власти – связана прежде всего с тем, что ее изучение позволяет решать такие ключевые для социальной философии проблемы, как дихотомия “психологизма” и “антипсихологизма”, а также применимость холистских подходов в методологии современного общественного познания. В целом данное исследование позволяет более глубоко раскрыть онтологические основы социальных отношений, в том числе инварианты структуры политической власти, и прояснить детерминанты человеческого мышления, включая и детерминанты научно-философского познания. При этом в ходе такого анализа создается полезный критический материал для лучшего осмысления и практического применения наиболее влиятельных современных философско-политических концепций (речь идет в первую очередь о концепции К.Поппера, изложенной им в работе “Открытое общество и его враги”). Изучение типовых структур, которые может принимать политическая власть, в сочетании со всесторонним анализом ее онтологической сущности, не только дает новые знания для систематизации концептуального аппарата в данной области социально-философского знания, но и способствует разработке важных прикладных вопросов, таких как, например, выяснение дальнейших путей развития структуры политической власти в обществах современности, в том числе и российском обществе. Характер данной работы делает ее содержание актуальным для смежных областей знания, таких как политическая философия (в аспекте философии власти) и философия истории, а также для политологии и социологии. Поэтому ее результаты в целом полезны и для развития современных междисциплинарных исследований.

Степень разработанности проблемы. С точки зрения автора, в философии на всем протяжении ее развития уделялось недостаточно акцентированное внимание проблемам универсальных структур власти вообще и политической власти в частности. При этом, конечно, существуют фундаментальные труды - от Платона и Аристотеля до Поппера и Фуко. Анализ наиболее известных классических работ в этой области с учетом специфики данного социально-философского исследования демонстрирует разбросанность идей, в системном виде представленных в настоящем исследовании, по самым разным источникам. Классические работы Платона, Аристотеля, Н.Макиавелли, Б.Спинозы, Т.Гоббса, Д.Локка, Ж.-Ж.Руссо, Ш.Монтескье, И.Канта, Г.Гегеля определили традиционную триаду “власть одного – власть немногих – власть большинства” для описания возможных структурных типов политической власти. Вместе с другими классическими работами - К.Маркса и Ф.Энгельса, Г.Спенсера, Д.С.Милля, Ф.Ницше – они сформулировали основные варианты детерминирующих воздействий на власть со стороны различных факторов – от биологических (натуралистических) и рационально-интеллектуальных до географических и экономических. В работах славянофилов и западников, русских консерваторов Н.Данилевского и К.Леонтьева, русских философов XX века Н.Бердяева, И.Ильина, С.Франка - применительно к России, В.Парето, Г.Моска, Р.Михельса, М.Вебера - применительно к теории элит, “идеальным типам” политического господства и роли протестантизма в истории Запада, содержится большой материал по степени влияния психологических, но среди них прежде всего культурно-духовных факторов на процессы оформляемости властных политических структур в человеческом обществе. Рассмотрение взглядов современных авторов - французских “постмодернистов” (Ж.Кристева, П.Клоссовски, Ж.Делеза, Ф.Гваттари и др.), а также Э.Гидденса, П.Бурдьё и Ю.Хабермаса позволяет, особенно на фоне вышеупомянутого классического наследия, оттенить недостаточно продуктивные концептуальные подходы к изучению власти.

По результатам сравнительного исследования “старой” и “новой” классики (К.Поппер, М.Фуко и др.) можно сделать вывод, что сугубо философских исследований власти в аспекте, рассматриваемом в настоящей работе, не производилось. Что касается работ социологического характера (М.Вебер) и политологического характера (создатели теории элит и другие исследователи в этой области - Ч.Р.Миллс, Р.Даль и др.), то представленная в данной работе постановка вопроса о структуре и способе действий политической власти позволяет вписать идеи вышеназванных авторов в новый контекст теории элит. Среди авторов, не принадлежащих к исследователям академического плана, нужно отметить писателя-социолога А.А.Зиновьева. Из трудов теоретиков психоанализа и социальной психологии при написании данной диссертационной работы использовались произведения З.Фрейда, Э.Фромма, К.-Г.Юнга, Г.Лебона, С.Московичи, которые характеризуют масштабы влияния неосознаваемых пластов психики на те человеческие мысли и поведение людей, которые на уровне повседневности считаются “рациональными”. Из работ антропологов аналогичную вышесказанному роль для настоящего исследования сыграли труды К.Леви-Стросса.

Из отечественных исследователей следует выделить А.С.Панарина (“Политическая философия”, многочисленные статьи), В.С.Нерсесянца (“Философия права”, “История политических и правовых учений”), И.И.Кравченко (публикация в “Вопросах философии” по политической мифологии), Б.В.Маркова (“Философская антропология”), сборник работ “Власть” под редакцией В.В.Мшвениерадзе (М.,1989), исследования В.В.Васильковой по синергетике и роли архетипов коллективного бессознательного в социальных процессах (СПб.,1999). В данной диссертационной работе использовались и другие труды зарубежных и отечественных ученых разных эпох, чьи имена в настоящем обзоре не упоминаются из-за эпизодического обращения автора к их работам. Из всех перечисленных ранее авторов основополагающую роль в написании данного

исследования играли работы С.Московичи, В.В.Васильковой, К.-Г.Юнга, Г.Лебона, И.И.Кравченко.

Роль “оппозиции” выполнили работы К.Поплера, М.Фуко, Б.В.Маркова. Если говорить в целом о применении представленного в настоящей работе теоретического синтеза нескольких концептуальных подходов (структурализма, теории архетипов Юнга, географического детерминизма и некоторых других) к анализу политической власти, то данное исследование политической власти, ее инвариантных структур и онтологической сущности не производилось ранее в философской литературе.

Объектом исследования является политическая власть в обществах всех исторических эпох. При этом акцент делается на современных обществах, но обязательно в сопоставлении их с обществами предыдущих эпох.

Предметом исследования являются структуры политической власти в их архетипической связи с ментальными инвариантами “человека общественного” (онтологический и методологический аспект)

Цель и задачи исследования. Цель данного исследования заключается в выявлении инвариантных детерминант структуры политической власти и основного способа ее существования на протяжении практически всей человеческой истории, начиная с раннегосударственного состояния человеческих отношений.

Для достижения указанной цели требуется разрешение следующих задач:

- дать ретроспективный анализ отношений политической власти в социолого-политологическом ключе и показать правомерность для социальной философии точки зрения, согласно которой политическая власть всегда (практически всегда) в структурном отношении устроена одинаковым образом;

- дать ретроспективный онтологический и методологический анализ

концепций политической власти в трудах мыслителей различных эпох, с древности до современности;

- установить корреляцию реального устройства структур политической власти с культово-мифологической практикой, рационалистической ориентированностью ментальности (бессознательная детерминанта);

- критически осмыслить степень продуктивности объяснения инвариантов структуры политической власти только путем исследования дискурсивной, коммуникативной практики;

- исходя из решения двух предыдущих задач, показать перспективность теории архетипов как адекватного методологического подхода для познания феномена неизменности структуры политической власти.

Методологические и теоретические основы исследования характеризуются следующим.

Во-первых, общий методологический подход к проведению исследований является объективистским, т.е. имеет онтологическую и рационально-эмпирическую ориентированность в их единстве.

Во-вторых, концептуально значимым направлением в настоящей работе является структурализм. В отличие от “традиционного” структурализма, представленного работами К.Леви-Стросса, в настоящей работе использован подход, синтезирующий структурализм и теорию коллективного бессознательного К.-Г.Юнга.

В-третьих, при анализе общественных явлений в качестве главенствующих подходов применяются, с одной стороны:

- органический подход, означающий, что общество - система органического типа, в которой ставшее целое способно оказывать формирующее воздействие на свои части, а также означающий наличие в нем явлений, характеризующихся как социальная патология;

- с другой стороны, конфликтный подход, означающий, что общество

всегда находится в состоянии нестабильности из-за многочисленных конфликтов, высшим из которых является борьба за власть.

В-четвертых, в общем и целом методологический подход, применяемый в настоящей работе, можно назвать “методологическим коллективизмом”, или холистским подходом.

В-пятых, применяемый подход можно назвать “психологизмом” (то есть утверждающим сводимость явлений, называемых “социальными”, к психологии людей)

Научная новизна проведенного исследования заключается в следующем:

- Показана детерминированность структур политической власти ментально-психологическими инвариантами; в первую очередь - архетипами коллективного бессознательного, а также культово-мифологическими и другими особенностями психической организации человека;

- В настоящей работе на основе анализа феодальных (клановых), в том числе неофеодальных, явлений дается обоснование особой перспективности для методологии общественных наук совместного применения таких направлений, как структурализм и теория архетипов коллективного бессознательного К.-Г.Юнга. И впервые с данных позиций выдвигаются тезисы, альтернативные тем, которые были разработаны для гносеологии и праксеологии политики К.Поппером в книге “Открытое общество и его враги”.

- В работе в связи с постулируемой неизбежностью использования в методологии социальных наук структурализма и теории К.-Г.Юнга сформулировано обоснование необходимых, на взгляд автора, ограничений на методологическое использование новой парадигмы научного познания - синергетики - при анализе общественно-политических процессов.

- В контексте анализа архетипической природы политической власти в настоящей работе с представленных выше структуралистских позиций

по-новому формулируется философско-антропологическое объяснение воспроизводимости неизменных структур власти, полезное для концептуального понимания Человека.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В методологии познания общества эффективно совместное применение таких теорий, как структурализм и теория архетипов К.-Г. Юнга.

2. На основе сформулированного теоретического синтеза структурализма и теории архетипов Юнга обосновываются следующие положения понятийно-эпистемологического плана:

а) необходимо признать конструктивным утверждение реальности существования “групповой психики” в виде коллективного бессознательного и его архетипов; в частности – в отношении к проблеме познания природы политической власти;

б) соответственно, вместо “антипсихологизма” и “методологического индивидуализма” методологическими основаниями анализа общества должны стать “психологизм” и “методологический коллективизм” (холизм);

в) “социальная инженерия” в области устройства политической власти чаще всего невозможна, а в некоторых случаях очень затруднена из-за детерминированности структур политической власти коллективным бессознательным;

3. Существует объективная закономерность политической истории, заключающаяся в постоянном воспроизводстве феодализированных структур политической власти в разных исторических условиях. Определяющим фактором этого является “архетип Пирамиды” и его актуализация мифоритуальными основами человеческой ментальности.

4. Применение новой научной парадигмы – синергетики – для анализа изменений политической власти находит определенное ограничение в том, что аттракторы в политике, за редчайшим исключением, – это разнообразные

формы феодализма (клановости).

5. По результатам анализа вариантов феодализации политической власти главными из детерминант мышления – социо-культурных и социо-природных – по степени их влияния на политическую практику следует признать именно природные. А из последних - географических особенностей местности, где проживает данный народ, и генетических (здесь - прежде всего этнических) особенностей его менталитета - следует признать именно генетическую специфику.

6. Устойчивость феодально-клановых архетипических структур коллективного бессознательного – следствие общей внушаемости человеческой психики, и в первую очередь бессознательного. При этом выделение в качестве базовой составляющей сущности человека “Человека внушаемого” является перспективным для решения проблем политического, эпистемологического, антропологического и в целом философского характера.

Научно-практическая ценность исследования определяется онтолого-методологическим потенциалом представленного в настоящем исследовании теоретического синтеза структурализма и теории архетипов К.-Г.Юнга (на основе которых формулируется собственно архетипическая концепция природы политической власти и ее инвариантной составляющей, которую автор называет “феодальной”, или “клановой”). Данный онтолого-методологический синтез дан в сочетании с направлениями, одно из которых известно в науке под названием “географический детерминизм”, а второе условно можно было бы назвать “генетическим детерминизмом” (термин “социобиология” в данном случае не подходит, так как ряд его познавательных и объясняющих установок, принятых, в частности, в работах Э.Уилсона, противоречат подходам, отстаиваемым в настоящей работе). Этот или подобный ему теоретический синтез может не только успешно

демонстрировать слабую адекватность “либеральных” теорий общественного развития (наподобие теорий К.Поппера или Ю.Хабермаса) политическим реалиям, но и способствовать разработке конкретных действий, в том числе в России, в силу утверждаемого им примата ментальных, подсознательных процессов для организации эффективной политической практики. Среди последних можно назвать, например, определение оптимальных моделей государственного устройства, реформирования экономики и др. Данное исследование может привлекаться в качестве учебно-методического материала для вузовских курсов социально-философской теории в целом и политической философии в частности.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на кафедре философии Казанского Государственного Технологического Университета и на кафедре философии Казанского Государственного Университета, рецензировалась учеными кафедры философии Казанского Государственного университета, кафедры философии Казанского Государственного Технического университета, Казанского Государственного Технологического университета.

Основные результаты работы представлялись автором в одной статье и четырех сборниках тезисов различных научных конференций.

Структура диссертационного исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложения. В приложении сосредоточена эмпирическая база исследования.

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень теоретической разработанности проблемы, формулируется цель и основные задачи работы, определяется новизна, обосновывается структура исследования.

В первой главе диссертации – “Идеальный тип” структуры политической власти как предмет политико-философского анализа”, - в первом разделе этой главы - автором проводится анализ необходимой в связи со спецификой темы терминологии (власть, политическая власть, феодализм, клановость, холизм, психологизм и др.). По данным из источников социологического и политологического характера (приводятся в приложении), а также по итогам анализа ряда подходов к изучению истории “добуржуазных” эпох (например, подхода В.П.Илюшечкина и других) и работ русских мыслителей Н.Я.Данилевского и К.Н.Леонтьева делается вывод о правомерности именно для социальной философии (т.е. не для эмпирических наук) положения, согласно которому практически вся политическая история обществ (а во многих случаях – и догосударственная история) в аспекте организованности политической власти в них представляет собой, по сути, “феодализм”, лишь меняющий свои формы. Далее приводится ряд “идеальнотипических” определений структур политической власти в России, разрабатываемых отечественными учеными, и обосновывается их применимость (особенно термина “кланизация”) для описания структур политической власти вообще. В результате вырабатывается определение предельно типовой структуры политической власти – феодализм, или клановость, которое применяется в настоящей работе. Анализируется соотношение предлагаемой в данной работе концепции структуры политической власти с классической теорией элит (авторы - Моска, Парето, Михельс), а также базово-концептуальное

значение теории элит (особенно в ее трактовке Р.Михельсом: “Тот, кто говорит “организация”, говорит “олигархия””) для настоящего исследования, в том числе построения последовательности изложения дальнейшего материала данной работы.

Во втором разделе первой главы рассматривается эволюция взглядов на структуру и природу политической власти в период с VIIв. до н.э. по XIXв. н.э. При этом практически у всех мыслителей этого периода отмечается присутствие в той или иной степени психологизма при объяснении формирования той или иной структуры политической власти. Другими словами, мыслители прошлого в той или иной степени признавали формулу, согласно которой структура политической власти задается психологическими мотивами правящих и управляемых, на чем бы такие мотивы не основывались, а наиболее системно разработанным исключением из этого правила была марксистская концепция. Саму же “идеальную типизацию” возможных структур они представляли себе по сути одинаково: власть одного, власть немногих и власть большинства. Названия, которые они давали для возможных, по их мнению, форм правления, мало отличались или вообще не отличались от тех, что в свое время были разработаны Платоном и Аристотелем. Поэтому, перефразируя А.Уайтхеда, можно сказать, что в плане типологии возможных структур политической власти вся обществоведческая мысль до конца XVIII века включительно представляла собой ряд примечаний к Платону и Аристотелю. Даже до конца XIX - начала XX века ряд прославленных в иных отношениях мыслителей по данному вопросу занимал все те же теоретические позиции, хотя в XIX веке уже появились определенные новации у Д.С.Милля и Г.Спенсера. Но в любом случае никто, включая самых выдающихся теоретиков этого хронологического периода, т.е. за две с лишним тысячи лет, не пришел в явном и однозначном виде к мнению, что правление большинства (как правило, называемое демократией)

невозможно в принципе. Незначительное исключение из этого в виде замечания (непоследовательного в дальнейшем) Руссо о том, что правление большинства “противно порядку природы”, не меняет общей картины. Данный вывод будет сделан со всей определенностью только на рубеже веков, а в законченном виде (вместе с “железным законом олигархии” Р.Михельса) - даже в начале XX века.

Что же касается эволюции взглядов на сущность, онтологию политической власти, то здесь уже нельзя сказать, что вся политическая мысль вплоть до XX века – это “ряд примечаний” к Платону и Аристотелю. В этом отношении у многих авторов “классической эпохи” были собственные, иногда очень оригинальные (как у Спинозы), иногда – не только оригинальные, но еще и чрезвычайно плодотворные взгляды. К числу плодотворных автор диссертации относит следующие: натуралистический взгляд на сущность власти Макиавелли-Гоббса-Ницше; зависимость организации политических структур от географических особенностей местности, утверждавшуюся Ш.-Л. Монтескье; вышеуказанную зависимость, однако теперь уже не только от географин, но и от собственных внутренних причин – у Гегеля. Его “народный дух”, “содержащий в себе момент климатической и географической определенности”, в данной работе называется зависимостью коллективного бессознательного - наиболее глубинных и потому неосознаваемых в чистом виде слоев человеческой психики, – и менталитета – подсознательных, т.е. теоретически способных к осознанию психологических слоев - от генетических и географических факторов, но в первую очередь – от генетических, причем среди последних прежде всего от этнических особенностей психики. В этом же ряду следует назвать уникальные по своей пронизательности разработки “психологической парадигмы” оформляемости политической власти Д.С.Милля. Работа Милля “О представительном правлении” дополняется удачными (с определенными оговорками относительно “общего хода процесса”) и также “психологическими” взглядами

на политическую власть Г.Спенсера.

Во второй главе диссертации – “Власть как универсальный феномен и дискурс современности: философия власти в XX веке” – проводится онтолого-методологический анализ вышеобозначенных концепций. Цель их рассмотрения заключается в разборе возможности их использования для объяснения феномена постоянного воспроизводства клановых, или феодальных, структур политической власти. Автором обосновывается недостаточность данных теорий для объяснения “феномена феодализма” и делается предварительный (с учетом дальнейшего анализа в третьей главе), но очень важный для всей работы в целом вывод о связи власти с мифоритуальными общественными практиками.

Для теорий XX века характерно одно обстоятельство: практически все они основаны на принципе “антипсихологизма”, т.е. несводимости социальных явлений к психологии людей. Панорама политической мысли XX века -- от М.Вебера до Ю.Хабермаса - в основном представляет из себя “антипсихологическое противопоставление” классическому, от Платона до Милля и Спенсера, “психологизму”. Несомненно, здесь сказалось влияние позитивизма и появившейся в то же время аналитической философии, а также успехи естественных наук. При рассмотрении теории Вебера обращается внимание на то, что в действительности именно феномен харизматичности лежит в основе всех, а не только одного типа господства. Подчеркивается также, что Веберу не удалось избежать психологизма в объяснении социальных явлений; неприятие его методологического индивидуализма ясно из сделанного ранее описания авторской методологии.

После М.Вебера, уделявшего, подобно Платону или Аристотелю, огромное внимание проблемам организации власти в обществе (т.е. с двадцатых и особенно - тридцатых годов XX века), в философии наблюдается явный спад интереса к политической проблематике. Появляющиеся отдельные крупные и

даже “этапные” работы в этой области (например, работы К.Поппера) не меняли общей “аполитичной” тональности философских исследований. Поэтому в общей панораме концепций политической власти, созданных в XX веке (за исключением вышеупомянутых), автору оставалось проследить не такое большое число основных “парадигмальных” направлений однородного содержания. И среди них в первую очередь стоит отметить теорию власти, предложенную французским мыслителем М.Фуко. Автор данной работы полагает, что концепция Фуко о “бессубъектности власти”, с одной стороны, является интересной и эвристичной во многих своих положениях, но, с другой, неудачна с практической точки зрения. Что касается второй составляющей концепции власти Фуко – связи власти и дискурсов в обществе, то здесь можно, в отличие от Фуко, более определенно и недвусмысленно утверждать, что во взаимопереплетении власти и дискурсов ведущую роль играла и играет именно власть как некая более глубинная, фундаментальная основа. То есть именно сложившаяся система социальных ролей продуцирует производство определенных дискурсов, а обратное влияние (дискурсов на власть) существует, но оно заметно слабее, чем вышеуказанное. Некоторые авторы (например, Ю.Хабермас) полагают, что это – рецидив прошлого, который в будущем будет преодолен. Диссертант же считает, основываясь на выводах, сделанных по результатам всего исследования, что перевес политической власти, всепроникающей и всеподчиняющей, над коммуникативной практикой – это неизбежность, от которой никогда не удастся избавиться.

Во втором разделе анализируются концепции власти крупнейших современных социальных теоретиков - П.Бурдьё, Э.Гидденса и Ю.Хабермаса. Главным и весьма серьезным их недостатком, по мнению автора, является чрезмерно рационалистичное представление о человеке как субъекте социальной деятельности. Относительно влиятельных западных “техно-теорий” (Ростоу, Белла, Тоффлера и др.) можно сказать, что они не в

состоянии объяснить принципиальное сходство устройства политической власти в обществах Древнего Востока и Советского Союза при несопоставимом уровне их научно-технического развития (то же самое можно сказать и о марксизме, так как “экономический базис” этих обществ был совершенно различным). А тот факт, что всех них наблюдалась колоссальная мифологизация общественного сознания, заставляет в качестве основной рабочей гипотезы выбрать предположение, что ответ на вопрос о причинах неизменной воспроизводимости клановых (феодальных) структур политической власти нужно искать именно в области изучения связи рационального мышления и мифо-ритуальности в человеческой жизни.

Этому посвящен последний раздел второй главы, где, опираясь на работы И.И.Кравченко, А.В.Турунова, С.Московичи и основываясь на данных собственного анализа (приводятся в приложении), автор делает вывод о том, что феодализация власти действительно всегда коррелирует с наличием в обществе развитой, тщательно разработанной мифо-ритуальной системы (система может быть и не одна, и тогда уместнее говорить уже о мифо-ритуальных практиках), но в качестве ее неизменного “спутника” всегда присутствует некая склонность мышления людей в данных обществах к каким-либо мифо-ритуальным схемам (например, эту гипертрофированную культовость в сознании именно русского народа в свое время архиепископ Макарий называл “обрядолюбием”). И в том же подразделе, основываясь на замечаниях Н.Б.Мечковской относительно широкой признанности в современной науке идей К.-Г.Юнга о том, что именно бессознательные образные структуры были началом как последующих мифов, так и ритуалов, а те, в свою очередь, по мнению многих антропологов, предшествовали возникновению языка, автор диссертации принимает данные идеи в качестве наиболее вероятных и адекватных реальности. Именно их вкупе с полученным выводом о повсеместной взаимосвязи мифо-ритуальных практик и клановых структур политической власти он кладет в основу всех

дальнейших своих рассуждений и, в конечном итоге, - выводов по результатам данного исследования.

В третьей главе диссертации – “Концепция архетипической природы политической власти в системе современного социально-философского познания” - излагается основная для настоящей работы концепция инвариантных детерминант политической власти.

В первом разделе вначале рассматриваются взгляды К.-Г.Юнга относительно соответствия его идеи архетипов коллективного бессознательного взглядам других исследователей (Леви-Брюля, Мосса, Платона, Канта и др.). Затем автором диссертации определяется (на основе указанных выше взглядов самого Юнга) соотношение объемов понятия “коллективное бессознательное” с общеизвестным и широко применяемым понятием “менталитета” (менталитет – это часть коллективного бессознательного). После этого формулируется вопрос о том, какое место занимает власть (политическая власть) в тех архетипических формах, которые описаны в научной литературе. Выясняется, что всеобщее распространение имеют два архетипа. Первый - это архетип Сферы, или Круга, древнейшая модель идеального миропорядка с Божественным разумом, энергией и т.д. в центре; этот архетип нашел свое отражение и в философии (в работах Ксенофана из школы элеатов говорится, что “Единое есть Бог”, а “сущность Бога шаровидна”). Второй же архетип, также один из древнейших, по мнению историков культуры, играл особую, ключевую организующую роль по отношению к конкретным мифологическим системам, определяя их внутреннюю структуру и все типовые параметры. Эта символика, по мнению ученых, была наиболее приближена к интегративной модели Космоса. Речь идет о Мировом древе (Оси мира и т.п.) - символе соединения и соподчинения мира земного и мира Божественного. Простейший пример его значимости на уровне повседневной жизни – новогоднее дерево (ель или др.).

Именно это представление “Божественной иерархии” воплощалось в образах мирского социального порядка на протяжении тысячелетий. Примером же сознательного обоснования построения политической власти по подобным “божественным образцам” является “Государство” Платона. Автор вводит в работе собственный термин “архетип Пирамиды”, который есть, по сути, архетип Мирового древа, только применительно непосредственно к политической власти. И, поскольку в данной описанной Платоном структуре роль сакрального центра играют правители-философы, то логично будет утверждать, что центр этой архетипической формы ассоциируется с политической властью. Тогда по аналогии можно заключить, что и тот центр, что присутствует в архетипе Сферы (Круга), также ассоциируется с политической властью. В последнем случае философия имеет дело с тем, что современные российские политологи называют “равноудаленностью от власти”. Этот образ у них интерпретируется (вполне справедливо) как идеал демократии, и он, по их мнению, реально присутствует на современном Западе (с чем уже нельзя согласиться).

Из сопоставления “архетипа Пирамиды” и архетипа Круга можно сделать два очень важных вывода. Во-первых, поскольку вершина пирамиды (треугольника в проекции) и центр круга - это, вообще говоря, точка, то она всегда будет тождественна сама себе. То есть в какой-то своей глубинной сущности власть всегда устроена одинаково. Во-вторых, поскольку для окружения этой “точки” не все равно, какую форму оно примет - пирамиды или равноудаленной окружности, конкретный вид этой формы, возникающий на практике, будет зависеть от “соотношения сил” двух архетипов власти в массовом общественном сознании. Если существенно преобладает архетип Мирового древа (а, значит, и архетип пирамиды), то в жизни это будет выливаться в ту или иную разновидность “грубого”, неприкрытого феодализма (неофеодализма). Если будет преобладать архетип Круга, то, соответственно, такое общество будет тяготеть к демократии. А это

преобладание, как следует из предыдущего раздела настоящей работы, будет зависеть от истории - в смысле мифо-ритуальной обработанности общественного сознания в ходе исторического развития народа сословием жрецов и степени врожденной склонности к мифо-ритуальному восприятию мира. На практике, разумеется, архетип Пирамиды всегда дает о себе знать (ведь Мировое древо, как уже говорилось, является формообразующим принципом всех мифологических систем), и, разумеется, есть все основания полагать, что избавиться от него невозможно. Это выражается следующим образом. В самых “демократических” западных странах можно найти массу примеров “феодализации” их политических систем (примеры этого приводятся в части первой приложения). Даже в Америке и некоторых других развитых государствах Запада этот архетип Пирамиды, на взгляд автора, хотя и трансформировался, но лишь до модели “усеченной пирамиды” - пирамиды с двумя равными вершинами. То есть в них существует не демократия (которая из-за определенного устройства человеческой психики, в том числе коллективного бессознательного, просто невозможна), а “полития” (Аристотель) – смешение олигархии и демократии.

Архетипы коллективного бессознательного - это то, что передается генетически от поколения к поколению. И, поскольку исторически самые ранние цивилизации давали яркие примеры очень жестких способов социально-управленческой организации, напрашивается вопрос: не связано ли это с животным, биологическим началом в человеке? Ряд исследований отечественных авторов позволяют утверждать высокую вероятность такого ответа на данный вопрос. Они выводят на проблему природных, биологических оснований содержания коллективного бессознательного, на проблему соотношения этих оснований с духовными, мифологическими основаниями формирования культурных архетипов. Безусловно, данная проблематика требует специального, самостоятельного рассмотрения. Но в любом случае автор считает, что, уже основываясь на анализе приведенного

выше материала, можно сделать ряд выводов, актуальных для современной социальной философии.

Первое. Постановка вопроса о повсеместно воспроизводящихся схожих феодальных (клановых) структурах политической власти в условиях существования мифо-ритуальных общественных практик является аргументом в пользу совместного использования в методологии социального анализа таких направлений, как структурализм в сочетании с теорией К.-Г. Юнга.

Второе. В свете всего проделанного в данной работе анализа думается, что для философии истории можно предложить историческую закономерность постоянного воспроизводства ограниченного набора “феодальных” (“клановых”) структур политической власти как следствия реактивизации бессознательных архетипов.

Третье. Можно сделать вывод о том, что “социальная инженерия” по Попперу в политической сфере в целом ряде случаев невозможна, а в ряде других случаев самым серьезным образом затруднена.

Четвертое. Автору представляется, что: 1) вместо антипсихологизма в общественном познании должен быть психологизм; 2) вместо методологического индивидуализма - методологический коллективизм; 3) вместо “отвержения понятия общей воли, ... групповой психики” - признание реальности существования “групповой психики” в варианте коллективного бессознательного К.Г.Юнга; 4) вместо воспевания возможностей “социальной инженерии” в политической сфере - признание серьезнейших, а где-то - просто непреодолимых препятствий в осуществлении этой инженерии на практике; 5) вместо отсутствия объективных нетривиальных законов истории - закон постоянного воспроизводства феодального “архетипа Пирамиды” в самых разных исторических условиях. И в связи с этим вполне правомерно утверждать, что отечественной философской науке необходим не только уже состоявшийся отказ от “нищеты историцизма”, но и, по всей видимости, отказ от политической концепции самого К.Поппера.

Пятое. Если набор возможных вариантов организации политической власти немногочислен и конечен, то, очевидно, это вызывает ограничения в плане применимости к анализу политической власти самого влиятельного на сегодняшний день парадигмального направления в науке – синергетики, проецирующего поливариантность организационных структур с неорганических явлений на общественные и не избегающего при этом редукционизма. Необходимо отметить, что отстаиваемое в работе представление об архетипической природе политической власти не отменяет полностью или даже в какой-то существенной степени применения синергетических подходов при анализе конкретных политических ситуаций. Автор только хочет сказать, что в любом случае, какая бы новая система власти не сложилась, она все равно будет иметь феодальный (неофеодальный) по сути характер.

Шестое. Ранее указывалось, что для построения в максимальной степени “не-феодальной” структуры политической власти (то есть той, которая существует в настоящее время, например, в США или Германии), нужно иметь изначально заложенную в менталитете тягу к рационализму. Однако, например, японцам, несмотря на всю их рационалистичность, так и не удалось преодолеть феодальные иерархические традиции. Отсюда можно с большой долей уверенности предположить, что у западноевропейцев (и, следовательно, североамериканцев и австралийцев) рациональность с самого начала была совершенно особого рода (для сравнения: об “обрядолюбии” русского народа уже говорилось выше). Таким образом, проблема существования неофеодализма в нынешних политических реалиях со своей стороны выводит диссертанта на современную концепцию постнеклассической рациональности. Но автор данной работы считает, что в данном случае (применительно к природе и структуре политической власти) мы имеем дело не только и не столько с социо-культурными предпосылками рациональности (о которых обычно говорят, поскольку, как ему представляется,

определенный тип культуры уже предполагает определенный тип рациональности), сколько с социо-природными ее предпосылками. К числу последних автор относит географические особенности местности и генетические особенности мышления людей (а среди последних преобладающее значение имеют этнические особенности менталитета).

Седьмое. Постулирование тезиса о том, что реально складывающиеся политические структуры имеют весьма ограниченную архетипическую подоплеку, не снимает вопроса о том, благодаря чему они так прочно закрепились в коллективном бессознательном людей. Автор уже неоднократно указывал ранее, что исторически существует корреляционная зависимость между политической активностью жрецов и степенью проявленности “феодализма” в политике. Поэтому он полагает, что с учетом и вышесказанного, и многочисленных примеров из современной политической жизни (в виде колоссального воздействия телевидения на мышление людей в период предвыборных кампаний, в том числе в России) настало время одной из основных единиц политического анализа и одной из основных ипостасей Человека в философской антропологии сделать не только “Человека экономического”, “Человека деятельного” (*homo faber*) или “Человека символического”, но и “Человека внушаемого”. “Человек внушаемый”, как представляется автору, способен прояснить и многие другие вопросы, имеющие отношение к концептуальному видению Человека в философской антропологии.

В заключении приводятся выводы, сделанные на концептуальном уровне по результатам всего исследования, отмечаются возможные сферы дальнейшего развития данной тематики и указываются конкретно-практические аспекты использования выводов из настоящей работы.

Основное содержание диссертации отражено

в следующих публикациях:

1. Проблема неофеодализма в современном мире. Системообразующие факторы существования современного государства // Проблемы философии истории. Материалы межвузовской научной конференции. - Казань,1999. С.38-39.

2. Теория “глобального” (“перманентного”) феодализма // Социально-экономические проблемы современности. Сборник работ молодых ученых экономического факультета КГУ. – Казань, 2000. С.76-79.

3. Неофеодальные явления в политике с точки зрения политической философии // Вестник Казанского технологического университета. Специальный выпуск. Труды социально-экономического факультета: исследования и приоритеты в науке и образовании. – Казань, КГТУ,2000. С.145-147.

4. Неофеодальные явления в политике как проявление архетипической природы политической власти и вытекающие из этого следствия для философии полигики, истории и философской антропологии // Философия XX века: школы и концепции. Материалы научной конференции 23-25 ноября 2000г. – СПб,2000. С.511-513.

5. Неофеодальные явления в политике как проявление архетипической природы политической власти и вытекающие из этого следствия для философии политики, истории и философской антропологии // Современная социальная онтология: итоги и перспективы. Материалы конференции, посвященной открытию факультета философии и социологии БашГУ. Уфа,2000. С.56-58.







2 -

Издательство «Регентъ»  
Лицензия на издательскую деятельность ИД №04784 от 18.05 01  
г. Казань, ул. Кирова, 42  
Подписано к печати: 21.11 2001  
Формат 60x84 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бумага офсетная. Печать ризографическая  
Тираж 100 экз. Заказ 178.  
ООО «Издательство Регентъ»